

Джордж Элиот

Адам Бид

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э46

Э46 **Элиот Д.**
Адам Бид / Джордж Элиот – М.: Книга по Требованию, 2023. – 636 с.

ISBN 978-5-521-39130-1

ISBN 978-5-521-39130-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ заброшенной, отдаленной деревнѣ казалась ей подчасъ нестерпимо скучной и однообразной.

Главнымъ образомъ ее интересовали религіозные вопросы, и она съ особеннымъ увлеченіемъ читала религіозныя книги, какъ напримѣръ „Мысли“ Паскаля, письма Ганны Моръ, жизнеописаніе Умберфильда, „Подражаніе Христу“ Тэомы Кемпійскаго и др. Глубокая вѣра въ Бога и работа надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ—вотъ что составляло главное содержаніе ея духовной жизни въ это время. Она была изъ тѣхъ глубокихъ, сосредоточенныхъ въ себѣ натуръ, въ которыхъ живетъ постоянное стремленіе къ чему-то великому и вѣчному, лежащему за предѣлами явленій обыденной жизни, и въ ранней молодости это мистическое стремленіе къ безконечности находило себѣ полное удовлетвореніе въ религіи.

Религіозное настроеніе молодой дѣвушки вылилось въ ея первомъ литературномъ произведеніи—въ стихотвореніи, задуманномъ во время ея одинокихъ прогулокъ по лѣсамъ, окружающимъ ферму отца. Въ этомъ стихотвореніи она, какъ бы чувствуя близость смерти, прощается съ тѣмъ, что ей было всего дороже на землѣ—съ природой и со своими книгами—и съ радостью готовится къ переходу въ другую жизнь. Стихотвореніе было напечатано въ духовномъ журналѣ—*Christian Observer*—и вслѣдъ затѣмъ миссъ Эвансъ въ теченіе 17-ти лѣтъ ничего больше не писала по части изящной литературы.

* * *

Миссъ Эвансъ было около 21 года, когда братъ ея женился, а отецъ, сдавъ ему ферму, переѣхалъ съ дочерью въ сосѣдній городъ Ковентри. Переходъ отъ уединенной сельской жизни къ городской имѣлъ большое вліяніе на молодую дѣвушку. Здѣсь она познакомилась съ кружкомъ интеллигентныхъ, развитыхъ людей, съ которыми очень сошлась и, благодаря имъ, ей пришлось столкнуться съ совершенно новыми для нея идеями и взглядами, произведшими цѣлый переворотъ въ ея міровоззрѣніи. Кружокъ ея новыхъ знакомыхъ состоялъ изъ мѣстнаго фабриканта м-ра Брэя, человѣка очень умнаго и начитаннаго, занимавшагося въ свободное отъ дѣлъ время философіей и френологіей, и семьи его жены—ея сестры, миссъ Сары Геннелъ, сдѣлавшейся потомъ самымъ близкимъ другомъ миссъ Эвансъ, и брата ея, м-ра Чарльза Геннелъ, автора извѣстнаго въ свое время сочиненія „О происхожденіи христіанства“, въ которомъ онъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ Штраусъ въ своей „Жизни Христа“. Все это были люди, интересующіеся наукой и литературой и слѣдящіе за умственной жизнью своего времени. У нихъ бывали многіе изъ выдающихся писателей и дѣятелей, какъ напримѣръ историкъ Фрѣудъ, Эмерсонъ, Робертъ Овенъ.

Они часто видѣлись, вмѣстѣ читали, изучали языки, зани-

мались музыкой, говорили и спорили о всевозможных предметахъ, и подъ вліяніемъ такого частаго общенія съ людьми другого образа мыслей, для нея насталъ періодъ религіозныхъ сомнѣній.

Эти сомнѣнія разрѣшились въ концѣ концовъ и переломъ въ ея жизни, выразился прежде всего въ томъ, что она перестала ходить въ церковь, такъ какъ ея цѣльная, искренняя натура всегда заставляла ее стремиться согласовать свои убѣжденія съ поступками и дѣйствіями во всемъ.

Эта переменна повела къ крупной размолвкѣ съ отцомъ, но, благодаря вмѣшательству ихъ друзей и м-ра Исаака Эванса, старикъ рѣшился помириться съ дочерью, и все осталось попрежнему.

Приведемъ слѣдующія слова, показывающія ея взглядъ на задачи писателя-романиста: „Искусство должно стоять какъ можно ближе къ жизни; оно пополняетъ нашъ личный опытъ и расширяетъ наши свѣдѣнія о людяхъ. Особенно же священна обязанность писателя, берущагося изображать жизнь народа. Если мы получимъ невѣрные представленія о манерахъ и разговорахъ какихъ нибудь маркизовъ и графовъ, то бѣда еще будетъ не особенно велика; но важно, чтобы у насъ установилось правильное отношеніе къ радостямъ и горестямъ, къ труду и борьбѣ въ жизни людей, обреченныхъ на тяжелое, трудовое существованіе, и въ этомъ намъ должна помочь литература“. Всякаго, кто знакомъ съ романами Дж. Эліотъ, невольно поразитъ ихъ соответствіе съ теоретическими требованіями, высказанными въ вышеприведенныхъ строкахъ.

Изъ всѣхъ своихъ новыхъ знакомыхъ въ Лондонѣ она ближе всѣхъ сошлась съ Гербертомъ Спенсеромъ, тогда еще начинающимъ писателемъ, обнародовавшимъ только свою „Соціальную статистику“. Дружба съ нимъ, по словамъ самой Дж. Эліотъ, была самымъ свѣтлымъ явленіемъ въ ея лондонской жизни. „Безъ него мое существованіе здѣсь было бы довольно таки безотраднo“, пишетъ она миссъ Геннелъ. Спенсеръ же познакомилъ ее съ Льюисомъ, которому суждено было играть такую важную роль въ ея жизни. Льюисъ былъ въ то время однимъ изъ самыхъ популярныхъ англійскихъ журналистовъ. Это былъ человѣкъ очень разносторонне образованный и обладавшій большимъ писательскимъ дарованіемъ.

Льюисъ, по отзыву всѣхъ знавшихъ его, былъ необыкновенно симпатиченъ: это былъ живой, увлекающійся, остроумный человѣкъ, всюду вносившій съ собой оживленіе. Своей наружностью и манерами, всклокоченными волосами и бородой, громкимъ голосомъ и постоянной жестикуляціей, онъ поражалъ чопорное англійское общество и казался въ немъ какимъ-то иностранцемъ. Онъ велъ очень подвижный образъ жизни, много путешествовалъ, изучалъ самыя разнообразныя

отрасли знанія, писалъ журнальныя статьи, пробовалъ свои силы въ беллетристику (написалъ два романа: „Рантронъ“ и „Розовая, бѣлая и лиловая“) и даже когда-то изображалъ арлекина въ труппѣ странствующихъ актеровъ. Текерей говорилъ про него, что онъ нисколько бы не удивился, еслибы въ одинъ прекрасный день увидѣлъ Льюиса, разѣзжающаго по улицамъ Лондона на бѣломъ слонѣ. Льюисъ былъ женатъ и имѣлъ троихъ сыновей, но разошелся съ женой черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы. Въ то время какъ онъ, черезъ Спенсера, познакомился съ миссъ Эвансъ, онъ жилъ въ Лондонѣ на положеніи холостого человѣка и издавалъ еженедѣльную газету „Leader“ (Руководитель). Первое впечатлѣніе, произведенное имъ на миссъ Эвансъ, было скорѣе неблагоприятное. Она пишетъ про него миссъ Геннелъ, что „съ виду это нѣчто вродѣ Мирабо въ миниатюрѣ“, и съ легкой ироніей относится къ его шумнымъ манерамъ и постоянной веселости. Но это первое впечатлѣніе, повидимому, скоро изгладилось: они часто видѣлись по дѣламъ редакціи и между этими, столь различными во всемъ, людьми постепенно установились близкія, дружескія отношенія, незамѣтно для обоихъ перешедшія въ совѣтъ другого рода чувство.

Сойтись съ женатымъ человѣкомъ и открыто жить съ нимъ, какъ его жена—это былъ такой смѣлый шагъ, котораго никто не могъ ожидать отъ тихой, молчаливой, немного даже сухой дѣвушки, всецѣло погруженной въ философію, въ свои литературныя работы и, повидимому, никогда не думавшей о любви. Какъ справедливо замѣчаетъ Ковалевская въ своихъ воспоминаніяхъ о Джорджъ Эліотъ, чтобы понять все значеніе этого поступка, нужно вспомнить о страшной чопорности и гнетѣ приличій, господствующемъ въ англійскомъ обществѣ. Родные миссъ Эвансъ были такъ скандализированы ея „безнравственностью“, что прервали съ ней всякія сношенія: огромное большинство знакомыхъ тоже отступилось отъ нея; даже Брэй, съ которыми ее связывала такая искренняя и многолѣтняя дружба, были чрезвычайно недовольны совершившейся въ ея жизни переменой.

Въ письмѣ къ миссъ Брэй, написанномъ черезъ годъ послѣ отъѣзда за границу, Эліотъ высказываетъ, какъ она сама смотритъ на свой союзъ съ Льюисомъ.

„Если такой незараженный предразсудками человѣкъ, какъ вы,—пишетъ она,—называетъ мои отношенія къ м-ру Льюису „безнравственными“, то я могу объяснить себѣ это, только, припоминая, изъ какихъ сложныхъ и разнообразныхъ элементовъ слагаются сужденія людей. И я всегда стараюсь помнить это и снисходительно отношусь къ тѣмъ, которые такъ сурово осуждаютъ насъ. Впрочемъ, отъ огромнаго большинства мы и не могли ждать ничего, кромѣ самаго строгаго

приговора. Но мы такъ счастливы другъ съ другомъ, что все это перенести не трудно“.

Въ 1865 г., значить черезъ 10 лѣтъ послѣ ихъ сближенія, она пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Джорджъ опять страшно занятъ. Какъ я люблю его постоянную бодрость духа, его умъ, его теплую заботливость о всѣхъ, кто въ немъ нуждается! Эта любовь—лучшая часть моей жизни“..

Прочность ихъ отношеній обусловливается въ значительной степени тѣмъ, что, кромѣ любви, жизнь ихъ была полна самыми разнообразными умственными интересами, которые были для нихъ обоихъ выше всего на свѣтѣ, и вотъ отчего имъ было такъ хорошо вмѣстѣ. Джорджъ Эліотъ принимала самое живое участіе въ научной дѣятельности своего мужа, также какъ онъ въ ея литературныхъ работахъ. Льюисъ страстно любилъ миссъ Эвансъ. Какую роль она играла въ его жизни, видно изъ отрывка его дневника.

Говоря о своей дружбѣ со Спенсеромъ, онъ прибавляетъ: „Я ему чрезвычайно обязанъ“

Общеніе съ нимъ снова возбудило мою энергію и воскресило мою любовь къ наукѣ, которая уже умирала во мнѣ. Спенсеру же я обязанъ другимъ, гораздо болѣе важнымъ и глубокимъ переворотомъ въ моей судьбѣ: черезъ него я познакомился съ Маріанной; ее знать—это значило ее любить, и съ тѣхъ поръ для меня началась новая жизнь. Ей я обязанъ всѣми своими успѣхами и всѣмъ своимъ счастьемъ. Богъ да благословитъ ее“.

Для сыновей Льюиса Джорджъ Эліотъ была настоящей матерью. По ея перепискѣ съ ними, въ то время, когда они были въ школѣ, видно, что она входила во всѣ мелочи ихъ дѣтской жизни и относилась къ нимъ съ чисто-материнской заботливостью. Мальчики называли ее матерью и очень ее любили. Изъ всего этого очень ясно, какъ неправы были тѣ, которые такъ пламенно негодовали на миссъ Эвансъ за то, что она разрушила чужую семью, тогда какъ она, напротивъ того, устроила настоящую семейную жизнь для Льюиса и его дѣтей.

* * *

Съ ранней молодости она втайнѣ лелѣяла мечту когда-нибудь написать большой романъ. Изъ этого романа было написана всего одна глава—описаніе англійской деревни, и затѣмъ она больше и не принималась за него. Мечты о романѣ, однако, не покидали ее, но она все больше и больше сомнѣвалась въ своей способности когда-нибудь выполнить эту задачу. Второй мужъ ея, м-ръ Кроссъ, рассказываетъ, что когда онъ однажды сталъ уговаривать ее написать свою автобіографію, она сказала на это: „Единственное, что могло бы быть интересно въ моей автобіографіи — это то полнѣйшее

отчаяніе, въ которое я приходила отъ моей абсолютной неспособности написать что-либо беллетристическое. Это, можетъ быть, приободрило бы какого-нибудь начинающаго писателя". Сближеніе съ Льюисомъ дало рѣшительный толчекъ съ таланту. Его постоянная поддержка и одобреніе имѣли для нея громадное значеніе. При ея нерѣшительной и неувѣренной въ себѣ натурѣ, она уже не бралась за оригинальныя произведенія: ей казалось, что у нея нѣтъ таланта и что навѣрное ничего изъ ея писанія не выйдетъ.

И дѣйствительно, всѣ внѣшнія данныя были противъ нея: ей было уже 37 лѣтъ, она всегда была застѣнчива, серьезна и молчалива, изучала философію, древніе языки и писала ученыя статьи—все это совершенно не соответствовало общепринятымъ представленіямъ о художественномъ талантѣ.

Только очень близко знавшіе ее люди видѣли, что подъ этой ученой внѣшностью синяго чулка кроется живой, наблюдательный человѣкъ, обладающій большимъ юморомъ и пониманіемъ людей. Льюисъ, живя вмѣстѣ съ нею, лучше всѣхъ узналъ ее съ этой стороны и чутьемъ любящаго человека и вмѣстѣ съ тѣмъ опытнаго литератора угадывалъ въ ней выдающійся талантъ. Его предположенія еще болѣе укрѣпились, когда она однажды въ Берлинѣ прочла ему первую и единственную главу изъ своего романа, написанную въ молодости. Это простое описаніе деревни поразило его своей художественностью, и онъ горячо началъ уговаривать свою жену приняться за беллетристику.

Подъ вліяніемъ его постоянныхъ подстрекательствъ и поощреній она начала писать свою первую повѣсть „Амось Бартонъ“ и кончила ее менѣе чѣмъ въ два мѣсяца. Когда повѣсть была кончена, Льюисъ, который все время чрезвычайно интересовался работой жены и читалъ ее по главамъ, откровенно признался ей, что она превзошла всѣ его ожиданія. Онъ былъ убѣжденъ, что описательная сторона выйдетъ у нея очень хорошо, но сомнѣвался въ ея умѣніи изображать драматическіе и патетическіе моменты; послѣдняя глава повѣсти—описаніе смерти Милли—окончательно разубѣдила его въ этомъ. Повѣсть, подписанная скромнымъ псевдонимомъ „Джорджъ Эліотъ“, была послана въ журналъ „Blackwoods Magazine“, гдѣ она тотчасъ же была напечатана и обратила на себя вниманіе читающей публики.

Когда этотъ первый шагъ былъ сдѣланъ такъ удачно. Джорджъ Эліотъ начала работать съ удивительной быстротой. Она какъ будто старалась вознаградить себя за долгіе бесплодно-прошедшіе годы молодости, и въ тотъ же годъ написала еще двѣ повѣсти—„Любовь м-ра Гильфиля“ и „Исповѣдь Дженнетъ“, которыя также были напечатаны въ журналѣ и въ концѣ года вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Сцены изъ жизни духовенства“.

„Сцены изъ жизни духовенства“ сразу обратили на себя общее вниманіе, и неизвѣстный авторъ, скрывающійся подъ ничего неговорящимъ псевдонимомъ Джорджъ Эліотъ, сдѣлался предметомъ многочисленныхъ толковъ и догадокъ. Большинство придерживалось того взгляда, что авторъ этихъ повѣстей — священникъ; самъ издатель, по случайному сходству почерковъ, подозрѣвалъ одно время въ авторствѣ профессора физиологіи Овена; другіе приписывали новую книгу лорду Бульверу Литтону. Но въ одномъ пунктѣ всѣ были согласны, всѣ были убѣждены, что новый авторъ, обладающій такимъ выдающимся литературнымъ талантомъ, несомнѣнно мужчина. Единственный, кто разгадалъ женщину въ таинственномъ писателѣ, котораго принимали то за священника, то за профессора физиологіи, былъ Е. Диккенсъ. Приведемъ отрывокъ изъ его письма къ Джорджъ Эліотъ, написанный въ благодарность за присланный ему экземпляръ повѣстей: „Книга, которую вы были такъ любезны прислать мнѣ черезъ Блэквуда, произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я не могу удержаться отъ того, чтобы не выразить вамъ моего восторга по поводу ея необыкновенныхъ достоинствъ. Я нигдѣ не встрѣчалъ такой правды и такой художественности, какими дышатъ юмористическія и патетическія сцены этихъ повѣстей. Обращая эти нѣсколько словъ къ автору „Заключеній Амоса Бортоня“ и печальной исторіи „Любви м-ра Гильфиля“, я обязанъ признавать то имя, которымъ автору угодно было назвать себя. Но если бы я могъ слѣдовать голосу своего чувства, я бы сказалъ, что вы—женщина. Я подмѣтилъ такія женственныя черты въ вашихъ разсказахъ, что мужского имени на заглавномъ листѣ недостаточно, чтобы разубѣдить меня въ этомъ предположеніи“.

Кончивъ „Сцены изъ жизни духовенства“, Дж. Эліотъ тотчасъ же принялась за новый романъ „Адамъ Бидъ“, надъ которымъ она работала немного болѣе года (отъ октября 1857 г. до ноября 1858 г.).

„Адамъ Бидъ“ имѣлъ громадный успѣхъ. Съ первыхъ же дней своего появленія онъ сразу обратилъ на себя общее вниманіе. Всѣ журналы и газеты единогласно признали его автора звѣздой первой величины и отвели ему мѣсто въ одномъ ряду съ Диккенсомъ и Теккереємъ. Въ первый же годъ романъ этотъ выдержалъ 7 изданій и разошелся въ количествѣ 16,000 экземпляровъ. Джорджъ Эліотъ со всѣхъ сторонъ получала самыя восторженныя письма по поводу своего новаго произведенія, отъ Диккенса, Бульвера и др.

Всѣ были чрезвычайно заинтересованы личностью неизвѣстнаго автора, романъ котораго имѣлъ необычайный успѣхъ. Особенно много волненій возбудилъ этотъ романъ на родинѣ Джорджъ Эліотъ—въ маленькомъ городкѣ Ньюжантионѣ въ Варвикширѣ. Никто не могъ догадаться, кто авторъ этого за-

мѣчательнаго произведенія; несомнѣнно было только одно, что это былъ кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, потому что въ немъ описывались лица и событія, извѣстныя всѣмъ въ Ньюжантонѣ.

Ньюжантонскіе жители были въ полномъ недоумѣніи относительно того, кто-бы могъ написать этотъ романъ и „Сцены изъ жизни духовенства“, въ которыхъ тоже было много для нихъ знакомаго. Они думали, думали, и наконецъ рѣшили, что Джорджъ Эліотъ—ни кто иной, какъ нѣкій м-ръ Лиджинсъ, сынъ булочника и единственный человѣкъ въ Ньюжантонѣ, который былъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ и слѣдовательно могъ имѣть нѣкоторыя притязанія на ученость. Когда къ нему пришли его сограждане и объявили ему, что онъ авторъ „Сценъ изъ жизни духовенства“, онъ отвѣчалъ уклончиво, не признавая за собою авторства, но и не отрицая его. Когда же вышелъ второй романъ Эліотъ „Адамъ Бидъ“, надѣлавшій столько шуму въ англійскомъ обществѣ и разошедшійся въ такомъ громадномъ количествѣ экземпляровъ, то Лиджинсъ уже не въ силахъ былъ противустоять искушенію прослать такой знаменитостью. Слава его быстро распространилась, и для бѣднаго кандидата теологіи, котораго почитатели его таланта въ первый разъ застали за такимъ скромнымъ занятіемъ, какъ чистка свосей кухонной посуды, началось привольное житье: его всюду чествовали какъ Джорджъ Эліотъ, устраивали въ его честь сѣдды, поили его дорогимъ виномъ и подчивали сигарами.

Послѣ появленіи въ свѣтъ „Адама Бида“ Джорджъ Эліотъ сразу сдѣлалась одной изъ самыхъ знаменитыхъ писательницъ своего времени, но эта внезапная слава не дала ей особеннаго счастья. Она пишетъ въ письмѣ къ м-съ Бодишанъ: „Я не упоена своимъ успѣхомъ—напротивъ того, послѣднее время мнѣ было такъ тяжело, какъ давно не было; я больше думала о будущемъ и о томъ, что еще предстоитъ сдѣлать, чѣмъ о томъ, что уже сдѣлано... Я часто вспоминаю о моихъ прежнихъ мечтахъ, когда мнѣ была года 24—25. Я думала тогда, какъ много счастья дала бы мнѣ слава! Теперь-же слава сама по себѣ не доставляетъ мнѣ вовсе большаго удовольствія“.

* * *

Джорджъ Эліотъ находилась на вершинѣ своей литературной славы. Романы ея расходились въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и переводились на иностранные языки; каждое ея новое произведеніе составляло цѣлое событіе въ литературномъ мірѣ, о немъ говорили и писали во всѣхъ газетахъ и журналахъ.

Джорджъ Эліотъ отовсюду получала самыя восторженные письма по поводу своихъ сочиненій; самые выдающіеся англійскіе писатели и ученые искали ея знакомства. Но все это нисколько не повліяло на нее и, сдѣлавшись знаменитой пи-

сательницей, она осталась такой-же застѣпчивой, скромной и задумчивой, молчаливой женщиной, какой была 15 лѣтъ тому назадъ.

Она постоянно сомнѣвается въ томъ, что ея вещи имѣютъ дѣйствительно какое-нибудь значеніе. Если-бы Джорджъ Эліотъ не отличалась такой глубокой правдивостью, можно было-бы положительно заподозрить ее въ неискренности, читая на примѣръ слѣдующее письмо, написанное вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ одного изъ ея романовъ („Даніеля Деронды“), имѣвшаго почти небывалый въ англійской литературѣ успѣхъ. Она пишетъ Фредерику Гарриссону: „Я вамъ ужасно благодарна за ваше письмо. Оно много содѣйствовало тому, чтобы вывести меня изъ чрезвычайно подавленнаго состоянія духа, въ которое меня повергло сознаніе моей полной безполезности. Вы не можете себѣ представить, до чего меня угнетаетъ сомнѣніе въ томъ, имѣю-ли я вообще право высказывать людямъ свои взгляды; это сомнѣніе всегда страшно парализуетъ мою энергію“.

Вотъ какія мысли наполняли душу Джорджъ Эліотъ въ то время, какъ имя ея гремѣло по всей Англіи, и она единогласно признавалась всѣми одной изъ величайшихъ писательницъ нашего времени.

* * *

Романъ Джорджъ Эліотъ „Даніель Деронда“ появился 4 года спустя послѣ „Мидльмарча“ — въ 1875 г. Эти четыре года Джорджъ Эліотъ жила, окруженная любовью своей семьи и друзей, получая со всѣхъ сторонъ доказательства своей возрастающей популярности. Но что отравляло ея существованіе, это болѣзненно усиленные умственные занятія разрушительнымъ образомъ дѣйствовавшія на ея организмъ, и въ письмахъ ея, особенно за послѣдніе годы, постоянно встрѣчаются жалобы на физическія страданія. Адская головная боль совершенно уничтожаетъ удовольствія, доставляемые славой, жалуется она, и т. д. Тѣмъ не менѣе этому роману она посвятила много подготовительной работы. Рѣшивши затронуть въ своемъ романѣ еврейскій вопросъ, она основательно изучила исторію еврейства, его современное положеніе въ различныхъ европейскихъ государствахъ и познакомилась даже съ талмудомъ. Еврейскому языку она выучилась еще въ молодости, при переводѣ Штрауса, и довольно свободно владела имъ.

„Даніель Деронда“ заключаетъ въ себѣ два романа: центромъ перваго изъ нихъ является молодая англичанка Гвендолина Горлетъ, центромъ второго—Мордохей, фанатическій еврей, мечтающій о возстановленіи Іудеи. Съ внѣшней стороны эти двѣ части почти независимы одна отъ другой, но между ними существуетъ глубокая внутренняя связь. Джорджъ Эліотъ противопоставила другъ другу гордую англійскую

аристократію и загнанное, безпріютное еврейство; этимъ сопоставленіемъ она хотѣла показать, какъ далеки такъ называемыя „христіанскія“ націи отъ осуществленія христіанскаго идеала, и какъ ни что ни даетъ имъ права во имя Христа тѣснить и презирать евреевъ. Вѣковая несправедливость по отношенію къ цѣлой націи не могла не возмущать такого гуманнаго и высоко-развитаго человѣка, какъ Джорджъ Эліотъ, и послѣдній свой романъ, послѣ котораго она уже ничего больше не писала, она посвятила защитѣ евреевъ.

Героиня романа—Гвендолина Горлетъ—одна изъ самыхъ удачныхъ фигуръ, изображенныхъ Джорджъ Эліотъ. Она совершенно не похожа на прочихъ героинь ея романовъ и не принадлежитъ къ числу любящихъ, кроткихъ, готовыхъ на всякое самопожертвованіе жепскихъ натуръ, каковы Дина, Мегги и Доротея. Напротивъ того, по натурѣ и особенно вслѣдствіе полученнаго ею воспитанія, она эгоистка, тщеславная, пустая дѣвушка, привыкшая быть предметомъ всеобщаго поклоненія и никогда не думающая ни о чемъ, кромѣ своихъ удобствъ и удовольствій. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней есть какая-то сила, какое-то обаяніе, дѣлавшее ее неотразимо привлекательной. Читая исторію ея жизни, начавшейся такъ весело и радостно и превратившейся потомъ въ такую печальную драму, понимаемъ, почему мать и сестры боготворили ее, не смотря на всѣ огорченія, которыя она имъ причиняла, почему всѣ окружающіе невольно подчинялись ей. Но нашелся одинъ человѣкъ, который ей не подчинился, и этотъ человѣкъ былъ ея мужъ.

Типъ Грэндкорта чрезвычайно удался Джорджъ Эліотъ: это холодный, сухой человѣкъ, съ непреклонной волей, для котораго все въ жизни уже утратило свою прелесть и для котораго единственное удовольствіе заключается въ сознаніи своей силы и могущества надъ людьми. Благодаря его громадному богатству и положенію въ свѣтѣ, это удовольствіе дается ему часто. Онъ страшный эгоистъ, но не по легкомыслію и непониманію, какъ Гвендолина, а эгоистъ сознательный, который презираетъ людей и считаетъ себя въ полномъ правѣ дѣлать только то, что ему нравится, не заботясь ни о чемъ другомъ. Онъ женится на Гвендолинѣ, потому что она очень красива и своеобразна; заставить такую дѣвушку признать его власть, сломить ея волю кажется ему очень интереснымъ экспериментомъ. Гвендолина выходитъ замужъ почти съ такими-же мыслями относительно его.

Исторія ихъ совмѣстной жизни, постепенное подчиненіе Гвендолины своему мужу, ея все увеличивающаяся ненависть къ нему, доводящая ее до мыслей объ убійствѣ, ея отношеніе къ Дерондѣ—все это описано съ удивительнымъ мастерствомъ и читается съ захватывающимъ интересомъ. Но какъ ни привлекательна Гвендолина, и какъ ни интересна ея судьба,

главная суть романа заключается не въ ней, а въ исторіи самого Даниеля Деронды.

Деронда воспитывался въ семьѣ одного богатаго англійскаго лорда и самъ находился въ невѣдѣніи относительно своего происхожденія. Случайная встрѣча съ молодой дѣвушкой—еврейкой, которую онъ удерживаетъ отъ самоубійства, сближаетъ его съ еврейской средой. Въ числѣ его новыхъ знакомыхъ находится одинъ чахоточный старикъ, который поражаетъ его своими страдальческими, странно-блестящими глазами. Онъ сразу догадывается, что это человѣкъ не отъ міра сего, и что у него какая-то своя завѣтная мечта, составляющая содержаніе его жизни. Когда они сближаются, Мордохей повѣряетъ ему эту свою завѣтную мечту—мечту о возстановленіи іудейскаго царства. Этой мечтѣ онъ посвятилъ всю свою жизнь, и чувствуя, что приближается смерть, онъ больше всего мучился тѣмъ, что ему некому передать своихъ завѣтныхъ мыслей, что нѣтъ около него молодого, сильнаго человѣка, который сдѣлаетъ то, чего ему не удалось сдѣлать, и который приступитъ къ осуществленію его мечты. Но незадолго передъ смертью онъ встрѣчается съ Дерондой и избираетъ его въ свои ученики. Его горячія, восторженные слова про еврейство и его будущность западаютъ въ душу молодого человѣка. Фанатическая вѣра Мордохея воодушевляетъ его и, когда онъ наконецъ узнаетъ тайну своего происхожденія, узнаетъ, что онъ тоже еврей, котораго, по просьбѣ матери, воспитывали какъ христіанина, чтобы спасти его отъ тяжелой и унижительной участи его собратьевъ, то это извѣстіе не только не огорчаетъ его, а напротивъ того, доставляетъ ему большое счастье. Онъ отказывается отъ всѣхъ преимуществъ, которыя имѣетъ, благодаря своему положенію въ домѣ богатаго лорда, порываетъ всякія сношенія со своими великосвѣтскими знакомыми, заявивши имъ, что онъ еврей, и всецѣло отдается дѣлу своего народа. Въ концѣ романа мы видимъ Деронду уѣзжающимъ на Востокъ, чтобы на мѣстѣ изучить положеніе евреевъ въ Палестинѣ.

Самъ Деронда—самая неудачная фигура во всемъ романѣ. Онъ нарисованъ очень блѣдно и слишкомъ ужъ безупреченъ и добродѣтеленъ, такъ что производитъ впечатлѣніе какого то манекена. Типъ Мордохея, очевидно, былъ навѣянъ разсказами Льюиса про одного стараго часовщика-еврея, котораго онъ зналъ въ молодости и который первый возбудилъ въ немъ интересъ къ философіи, познакомивъ его съ сочиненіями Спинозы. Клубъ, подобный тому, какой описанъ въ „Дерондѣ“, дѣйствительно когда-то существовалъ, и Льюисъ, будучи совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, часто посѣщалъ его. Все это послужило канвой для романа. Ни одинъ изъ романовъ Джорджъ Эліотъ не имѣлъ такого громаднаго, сенсаціоннаго успѣха и не возбудилъ столько разнорѣчивыхъ толковъ, какъ „Даниель Деронда“.